

2. Рост диссидентского движения (1977—1979 гг.)

1977—1979 гг. были тревожными для КГБ. Новый подъем правозащитного движения стал замечен еще в 1976 г. в связи с подписанием Хельсинкского соглашения. В нескольких городах были созданы Хельсинкские группы. Традиционная декабрьская демонстрация 1976 г. на Пушкинской площади была относительно массовой. Инаугурационная речь Картера была отчасти посвящена проблеме прав человека, в том числе — в СССР. На международной встрече в Белграде в октябре 1977 г., где обсуждалось соблюдение прав человека, официально фигурировали материалы хельсинкских групп из СССР. После некоторых колебаний властей в феврале 1977 г. начались аресты среди создателей этих групп. Был арестован даже академик Армянской АН Ю. Орлов, а также «отказник» А. Щаранский и диссидент-«рецидивист» А. Гинзбург и другие. Но только в Грузии группа была разгромлена полностью⁸⁷. Власти оказывали давление, ослабляли активность групп, но не уничтожали движение полностью. Несмотря на заметную активизацию позиции американской администрации в отношении проблемы прав человека, вожди диссидентов связывали аресты с непоследовательностью и нетвердостью поведения Картера⁸⁸. Однако действия властей были относительно осторожными. Они шли на аресты в тех случаях, если надеялись как-то обосновать свою позицию за рубежом (обвинениями диссидентов в клевете или даже в шпионаже), но пока отказывались от наиболее скандальных акций (готовившейся уже в 1977 г. высылки Сахарова)⁸⁹ и тем более разгрома движения. Несмотря на то, что планы «хельсинкцев» получить эффективную защиту Запада не удалось, хельсинкская кампания позволила консолидировать правозащитное и национальное движения, заметно расширить ряды правозащитников в провинции⁹⁰. Это создавало хорошую основу для дальнейшего расширения инакомыслия.

После ударов по хельсинкскому движению в 1977—1978 гг. СССР подвергся резкой критике со стороны партнеров по «разрядке». Для репрессий необходимо было иметь веские основания, которые могли хотя бы отчасти сдерживать кампании протеста на Западе. При этом, если раньше диссидентское движение использовало привычные формы, то теперь волна «ина-

кодействия» стала расти и охватывать все новые слои населения. По данным Л.Алексеевой, в конце 70-х гг. большинство участников демократического движения составляли техническая интеллигенция и рабочие. Причем 40% арестованных в 1976—1983 гг. составили именно рабочие⁹¹.

Диссидентская среда продолжала расширяться и осваивать новые для нее формы борьбы. Л.Алексеева пишет о диссидентах «призыва» конца 70-х гг.: «Новые люди в большинстве не удовлетворялись лишь нравственным противостоянием, пафос которого культивировался зачинателями правозащитного движения. Новые люди хотели пусть не немедленного, но практического результата своей борьбы, они искали пути его достижения»⁹².

5 декабря 1978 г. беспрецедентное событие произошло в Ленинграде. Вскоре после ареста активистов Революционного коммунистического союза молодежи состоялась демонстрация студентов в их защиту. У Казанского собора (место первой в России демонстрации 1876 г. и последующих демонстраций 1988—1989 гг.) собралось около 200 юношей и девушек из ЛГУ, Академии художеств, Художественного училища им. Серова, Политехнического института, из различных ПТУ и школ. Около 20 человек было задержано, но их потом отпустили⁹³. Во время суда над А.Цурковым 3—6 апреля 1979 г. перед зданием собралась толпа студентов. Власти боялись распространения информации о процессе и даже допустили избиение в здании суда невесты обвиняемого И.Лопухиной, чтобы не позволить ей вторично войти в зал (первый раз она была там, когда давала показания)⁹⁴.

Активизировалась и писательская «богема». Оппозиционно настроенные писатели В.Аксенов, В.Ерофеев и Е.Попов решили создать литературный альманах — неподцензурный, но аполитичный. В конце 1978 г. был подготовлен литературный альманах, в котором выступили 23 литератора. Преимущественный состав — либералы-западники и народники. В большинстве своем — члены официального Союза писателей: В.Аксенов, А.Битов, В.Ерофеев, Ф.Искандер, Е.Попов, А.Арканов, В.Высоцкий, М.Розовский, Ю.Алешковский, Б.Ахмадулина, А.Вознесенский и др. С «Метрополем» сотрудничал философ Л.Баткин.

БАТКИН Леонид Михайлович

1932 года рождения. В 1955 году окончил исторический факультет Харьковского университета. С 1956 года преподаватель, а затем доцент Харьковского института искусств. Преподавал итальянский язык, эстетику. В 1965 году опубликовал монографию «Данте и его время». В 1967 году уволен из института за «грубые идеологические ошибки», в частности за «пропаганду чистого искусства и формализма». С 1968 года — старший научный сотрудник, а с 1992 года — ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН.

В 1978 году опубликовал книгу «Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления», в 1989—1991 годах — еще 4 книги об истории эпохи Возрождения, которые были переведены на ряд европейских языков. В 1959 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Данте и политическая борьба во Флоренции конца XIII — начала

XIV веков». В 1991 году защитил докторскую диссертацию *«Итальянское возрождение как тип культуры»* (по совокупности работ).

Членом КПСС не был (дважды, в 1962 и 1965 годах отказывался от предложений вступить).

В 1970—1980-х годах подвергался внесудебным преследованиям (был «невъездным», приглашался на «беседы» в КГБ, был лишен права защиты докторской диссертации). Был участником самиздатского литературного альманаха *«Метрополь»*

Впоследствии — один из лидеров движения *«Демократическая Россия»*⁹⁵.

На 21 января была намечена презентация сборника в одном из московских кафе. В предисловии к сборнику писатели обличали «муторную инерцию», «раздутую всеобщую ответственность» и «состояние тихого застойного перепуга», царящие в отечественной словесности. Они потребовали публикации сборника, выражаясь официальным языком — «минуя общепринятый порядок», то есть вне очереди и без цензуры⁹⁶. «Никаких добавлений и купюр не разрешается», — провозглашал *«Метрополь»*. *«Ничего себе условия для решения задачи “расширения творческих возможностей советской литературы” (цитата из письма авторов «Метрополя» — А.Ш.)!*, — гневался руководитель Московской организации Союза писателей Ф.Кузнецов. — *Условие на грани шантажа и фантастики; ни одно издательство в мире не в состоянии принять его, если думает об интересах дела, а не о грязной игре, не имеющей ничего общего с литературой»*⁹⁷. Комментируя фразу о «застойном перепуге», Кузнецов обрушил на «метропольцев» весь «вес» отечественных литературных авторитетов, некоторые из которых действительно позволяли себе относительно смелые произведения: *«Но кто же из писателей находится в такого рода “застойном перепуге”?* Может быть Айтматов? Симонов? Бондарев? Абрамов? Гранин? Астафьев? Распутин? Трифонов? Бакланов? Быков?»⁹⁸. Что могли на это ответить авторы *«Метрополя»*? Начать обличать названных писателей за недостаточную смелость? Но и их сборник не был политически оппозиционным.

Тем не менее по мере чтения альманаха партийно-писательские функционеры приходили в ужас. Писательскую администрацию возмущал стиль, близкий критическому реализму, натурализму и авангардизму — направлениям, несовместимым с канонами социалистического «реализма». *«Ряд произведений изобилует эротическими, подчас откровенно порнографическими сценами»*, — рапортовал секретариату ЦК заведомо культуры ЦК В.Шауро⁹⁹. Особенное раздражение литературных властей вызвало внимание авторов *«Метрополя»* к теневым сторонам обыденной жизни «социалистического общества», а также «эстетизация уголовщины», пошлость, «богоискательство» (по выражению Ф.Кузнецова)¹⁰⁰.

Конфликт разрастался. 12 января инициаторы отказались отменить презентацию даже в обмен на обещание частично опубликовать сборник. 19 января В.Аксенов, Б.Ахмадулина, В.Ерофеев, А.Битов, Е.Попова, Ф.Искандер обратились к Брежневу с письмом, в котором просили его

«найти время и вникнуть в конфликтную ситуацию, возникшую в Московской писательской организации». *«Основная задача нашей работы — расширить творческие возможности современной советской культуры, способствуя тем самым обогащению нашей культуры и укреплению авторитета как внутри страны, так и за рубежом»*, — писали литераторы и добавляли, что поведение руководства Московской организации СП *«резко противоречит ленинской культурной политике»*¹⁰¹. Но эстетические представления чиновников ЦК, как мы видели, были ближе к взглядам руководства СП.

В.Ерофеев вспоминает, что «кампанию по травле «Метрополя» со всей решительностью возглавил Феликс Кузнецов. Когда он выдыхался, то распахивал двери своего кабинета, и в него врывались, чтобы продолжать с нами борьбу, Лазарь Карелин и Олег Попцов»¹⁰².

20 января 1979 г., за день до презентации, Московская организация Союза писателей собралась для разгрома составителей «Метрополя». «Все было так мерзко, так подло, что нам ничего не оставалось, как вести себя “героически”», — вспоминал В.Ерофеев. — Искандер сказал, что в нашей стране мы живем как будто под оккупацией. На Попова особенно разозлились за то, что он записывал их же выступления. Аксенов назвал Союз писателей «детским садом усиленного режима»¹⁰³. Но уже 22 января на заседании парткома СП писатели заявили, что отказываются от пресс-конференции и переправки своего труда за границу. Правда, на следующий день «Голос Америки» сообщил о том, что сборник уже переправлен и готовится к изданию¹⁰⁴. Похоже, в это время авторы «Метрополя» уже почувствовали, что зашли слишком далеко. Аксенов написал письмо секретарю ЦК М.Зимянину, где обвинял Кузнецова в том, что тот *«стремится превратить наше литературное начинание в политический скандал, преследуя, по всей вероятности, карьерные соображения»*¹⁰⁵. Позднее авторы согласились и на корректуру текста, отказавшись от главного пункта своей «программы», который вызвал наибольшее раздражение официоза. Но конфликт уже приобрел собственную инерцию, разбирательства шли на московских писательских форумах, критика «Метрополя» попала и на страницы «Литературной газеты». В.Ерофеев и Е.Попов были исключены из Союза писателей. «Мы с Поповым в один миг оказались диссидентами», — вспоминает В.Ерофеев¹⁰⁶. Государство нередко плодило диссидентов само, причем в гораздо больших количествах, чем рассчитывало. Аксенов, Искандер, Лисянская, Липкин, Битов пригрозили выйти из Союза писателей, если «молодых» не восстановят. Начался международный скандал. Несколько маститых американских писателей, которые до этого издавались в Советском Союзе, потребовали восстановить справедливость под угрозой того, что они не будут печататься в СССР. В мае, несмотря на грозное апрельское постановление ЦК по идеологии, Союз писателей получил указание «сдать назад», и в июле-декабре вел переговоры с исключенными о восстановлении при условии хотя бы минимума политической лояльности. Но когда вопрос вновь стал обсуждаться официально, «разрядка международной напряженности» закончилась. К тому же КГБ стало известно, что «метропольцы» не

сложили оружия и планируют сборник № 2, к которому Аксенов хотел привлечь Можая, Распутина и Трифонова. Попов заявлял в узком кругу, что он является «сторонником активной борьбы с существующим в СССР строем методом литературы». КГБ знало и об этом¹⁰⁷.

В итоге был устроен образцово-показательный разгром «отщепенцев», подавших заявление о приеме в Союз. В разгроме этом участвовали далеко не все присутствующие: «В какой-то момент Гамзатов встал и сказал: *“Хорошо отвечаешь! Надо решить вопрос, принять их, и все!”*... Когда все уже расходились, Михалков нам шепнул: *“Ребята, я сделал все, что мог, но против меня было 40 человек...”*»¹⁰⁸ К этому времени началось фронтальное наступление на инакомыслие. Аксенов, Липкин и Лиснянская вышли из Союза писателей, Аксенов вскоре уехал работать в США и был лишен гражданства. По просьбе «репрессированных» Искандер, Ахмадулина и Битов выходить из СП не стали (Битов сделал это позднее).

Так государство превращало в диссидентов относительно умеренных литераторов, мечтавших о свободе творчества с критическим уклоном. Нервная реакция на «Метрополь» была связана с тем, что в это время диссидентская среда в целом усилила воздействие на свою периферию. Писательское руководство и не в меру ретивые его «приводные ремни» не понимали, что репрессии лишь расширяют ряды «идеологических противников». Но малейшие уступки были опасны для режима — по пути авторов «Метрополя» могли пойти и другие любители «чернухи». «Метрополь» справедливо расценивался как «разведка боем» «внутреннего противника». Ценой последовательного участия в такой «разведке» было крушение карьеры, «запрет на профессию». В других условиях власти могли быть более лояльны. Ленинградское партийное и культурное руководство, а также КГБ дали согласие на создание аполитичных творческих клубов — писательского «Клуб-81» и музыкального рок-клуба (см. Главу X). В них участвовали менее политизированные люди, чем в «Метрополе», да и давление на власть со стороны оппозиции к этому времени значительно ослабло. Поэтому легальные культурные анклавы во второй столице в начале 80-х гг. не представляли опасности и вписывались в рамки авторитарной системы.

Авторитарный контроль над культурой провоцировал и диссидентские движения национального типа. Здесь сопротивление было вызвано процессом национальной унификации и подавления «несанкционированных» вероисповеданий. Унификация, как мы видели, была вызвана социально-политическими причинами, попыткой сплотить разнообразные компоненты «советского народа» в единое целое. Среди конфессионального многообразия особую опасность для режима представлял католицизм, поскольку он опирался на авторитет Римского престола, находившегося вне влияния Кремля. Мощь католического фактора была продемонстрирована в 1980—1981 гг. в Польше, где оппозиционное движение приобрело отчасти религиозный характер, и авторитет костела вытеснил авторитет партии. Но в СССР католическая церковь была влиятельна только в Литве и лишь отчасти, нелегально, на Украине. Преследования католических священников, которых не было с начала 70-х гг., возобновились в 1983 г., но, несмотря на

это, даже по официальным данным треть литовских школьников подросткового возраста была верующей¹⁰⁹.

В 70-е гг. инакомыслие в Литве, Латвии, Украине, Грузии и Армении держалось на российском уровне, проходя похожие стадии развития. С 1980-х гг. активизировалось инакомыслие в Эстонии. Если до этого в республике были лишь «штучные» диссиденты, то теперь здесь проводились заметные подписные кампании и даже отдельные забастовки¹¹⁰. В «исламских» республиках диссидентов было меньше. Вероятно, диссидентство — признак определенной стадии общественного развития, которой Средняя Азия и Азербайджан тогда еще не достигли.

Национальные оппозиционные группы были несколько более радикальными, чем диссидентское движение России. 8 января 1977 г. в московском метро прогремел взрыв. Через полчаса еще два взрыва произошло в центре Москвы у мест скопления людей. Погибло 7 и было ранено 37 человек. КГБ и МВД провели широкомасштабное расследование. При множестве ложных ходов все-таки удалось найти «концы» материалов, из которых были изготовлены бомбы. Поэтому ко времени подготовки следующей серии терактов «органы» примерно знали, кого искать. Благодаря неосторожности террористов новые теракты, подготовленные к октябрьским праздникам, сорвались, а исполнители — задержаны. Ими оказались молодой рабочий А.Степанян и художник З.Багдасарян. На квартире Степаняна были найдены детали новых бомб и материалы, которые, по мнению сотрудников КГБ, изобличали как руководителя группы одного из основателей подпольной Национально-объединенной партии С.Затикяна. 3 ноября 1977 г. он был арестован. Процесс 16—20 января 1979 г. был закрытым, Затикян не признал себя виновным. По мнению диссидентов это свидетельствовало о слабости позиций обвинения. В 1997 г. хроникальные кадры процесса были показаны по телевидению (ОРТ). Затикян, понимая, что исход процесса предрешен, откровенно говорил то, что думает — обличал «жидо-русскую империю». Он не считал себя виновным в терактах, потому что не считал их преступными. Власти не хотели выносить такой «сор из избы». Все трое были расстреляны¹¹¹.

Террористическая деятельность 1977 г. была для движения инакомыслящих явным исключением. Именно благодаря ненасильственным формам работы и отсутствию тотального террора со стороны властей диссидентское движение в 1977—1979 гг. заметно распространялось вширь. Еще один канал расширения диссидентского движения, ставший особенно заметным в конце 70-х гг. в связи с экономическими трудностями в СССР — движение отказников — евреев, желающих выехать из Советского Союза, но получивших отказ в этом от советских властей. Запрет на выезд из страны был связан с боязнью утечки военной информации и утечки «мозгов». Дешевизна и относительно высокое качество советского образования при низком (сравнительно с развитыми странами Запада) уровне жизни могли привести к настоящему исходу интеллигенции (что и произошло десятилетие спустя). Последствия для экономики и военно-стратегической политики СССР могли бы быть самыми плачевными. Не имея возможности обеспечить своей

интеллигенции уровень жизни более высокий, чем на Западе (особенно если судить о нем по туристским впечатлениям), советское руководство ограничивало свободу выезда из страны. В то же время Западные страны и Израиль предоставляли льготы иммигрантам-евреям, что усиливало давление на «железный занавес» именно с этой стороны.

Движение отказников не может однозначно рассматриваться как национальное. Как правило, еврейское происхождение было лишь поводом для выезда на Запад. В 1979 г. лишь 34,2% выехавших по израильским визам приехали именно в Израиль, в 1981 г. — 18,9%¹¹². Остальные направлялись в США и Европу.

Общее число отказников в 1981 г. достигло 40 тысяч. Это была массовая группа, численность которой сопоставима с числом «чистых» диссидентов. Политика государства превращала «отказника» в диссидента почти автоматически (хотя решение покинуть СССР уже было инакомысленным). Л.Алексеева писала, что «в стране остались десятки тысяч людей, подавших заявления на выезд. Они оказались в трагическом положении. Факт подачи заявления не только лишал их прежнего социального статуса, но перевел в разряд “нелюбимых” с точки зрения властей. С прекращением эмиграции они оказались обреченными на изгойство на неопределенно долгое время, возможно — пожизненно»¹¹³.

Удары по отказникам усилились с 1978 г., после дела А.Щаранского, когда власти обвинили диссидентов в шпионаже. «Дело Щаранского» позволило СССР даже оказать давление на США — Картер просил советских руководителей не публиковать материалы о связях диссидентов с американской разведкой¹¹⁴. Суд над Щаранским, осуществлявшим «смычку» диссидентов и «отказников», позволил официальной пропаганде дополнительно дискредитировать движение отказников, так как сам подсудимый не мог служить подтверждением распространяемой им пропаганды об «антисемитской кампании фашистского толка» в СССР — Щаранский получил высшее образование, работал на оборонном предприятии, не был уволен с работы, а сам прекратил ее посещать после подачи заявления о выезде за рубеж. Все это по официальной версии свидетельствовало о том, что вся информация о государственном антисемитизме была ложной¹¹⁵. Позднее следствие было менее остроумным. Так, на процессе И.Бегуна в 1983 г. в качестве доказательства его корыстного умысла использовался факт присуждения ему в Израиле премии С.Родберга¹¹⁶. В начале 80-х гг. против отказников стал действовать Антисионистский комитет советской общественности. На его пресс-конференциях, куда допускались и западные журналисты, выступали как советские евреи, с большим или меньшим успехом опровергавшие информацию об официальном антисемитизме, так и евреи, вернувшиеся из эмиграции в СССР и утверждавшие, что «просто мы были идиотами, не понимая, на что мы идем, покидая нашу единственную Родину»¹¹⁷.

До начала Второй холодной войны «отказники» и диссиденты действовали почти сепаратно. С 1980 г., в связи с общим наступлением властей, началось сближение отказников и правозащитников¹¹⁸. Диссиденты демонстрировали свою солидарность с людьми, чьи гражданские права наруше-

ны, свое неприятие антисемитизма, присущего значительной части правящей бюрократии. Уже на процессе Щаранского митингующие диссиденты пели израильский гимн независимо от своей национальности¹¹⁹.

Для режима сближение диссидентов и отказников не имело большого значения — многие лидеры диссидентов считались сионистами. Но, сочувствуя евреям, желающим выехать из СССР, диссиденты иногда выступали и против нарушения прав палестинцев — противников Израиля. Так в сентябре 1976 г. А.Сахаров и Е.Боннэр обратились в ООН по поводу трагического положения в лагере палестинцев Тель-Заатар. Но такие нюансы не имели значения для Политбюро и даже КГБ. Расширение отказнического движения в конце 70-х гг. рассматривалось как расширение диссидентства.

Продолжало бурно развиваться и религиозное оппозиционное движение, отказывающееся признавать стратегию иерархов Православной церкви на союз с атеистической властью, преследующей любую проповедь вне церковных стен. Религиозное инакомыслие было экуменистично. Действовал Христианский комитет, созданный для защиты прав верующих и объединявший представителей разных конфессий, в том числе священников, в большей (В.Фонченков) или меньшей (Г.Якунин) степени лояльных Патриархии. Продолжали работу организованный А.Огородниковым просветительский христианский семинар (экуменический по направленности), выпускавший нерегулярный журнал «Община», и кружок Д.Дудко.

Кружок Дудко был одним из важнейших центров инакомыслия, связывавшим между собой вольномыслящих православных и диссидентов. Духовная атмосфера кружка обладала огромной притягательной силой. Субкультура кружка, более близкая своим механизмом к неформальным движениям, чем к диссидентской среде, давала редкую для того времени возможность интеллектуальной и духовной самореализации для неортодоксальной интеллигенции. В.Аксюциц рассказывает о кружке: «Это по воскресеньям было. Сначала служба. Туда собирались лучшие люди православной общности и, конечно, замечательная была там атмосфера. Много-много людей в маленьких помещениях по многу часов вели беседы, обсуждения, дискуссии, в очень доброжелательной обстановке, с молитвой. Сначала служба, потом застолье, считали: сегодня у нас семь столов или сегодня у нас шесть столов. То есть шесть смен столов, прежде чем все отобедают. Всех кормили. Потом за этим же столом собирались. Набивалось полное помещение и велись бесконечные эти дискуссии, беседы. Либо кто-то что-то читал, либо специальная тема обсуждалась»¹²⁰.

К ужасу властей, Д.Дудко начал выпускать специальный листок для прихожан «В свете Преображения», в котором, в частности, рассказывалось о случаях притеснения верующих. В Ленинграде действовал семинар «37», выпускавший одноименный журнал. Все эти организации имели довольно текучий состав и отказывались от жесткого плана работы. В итоге через них прошли сотни людей, которые в свою очередь оказывали воздействие на тысячи знакомых¹²¹. В то же время, как пишет Л.Алексеева, «в массе православные прихожане и даже православная интеллигенция не принимают уча-

ствия в гражданском сопротивлении государственному нажиму на свободу совести и даже осуждают такое сопротивление как “нехристианское”»¹²².

В 1979—1980 гг. расширилось издание самиздата. В это время выходили Хроника текущих событий, материалы Московской хельсинкской группы, сборники в защиту Т.Великановой, материалы специализированных групп (Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях, Свободного межотраслевого объединения трудящихся и др.), исторический сборник «Память», свободный московский журнал «Поиски», социалистические журналы «Левый поворот» («Социализм и будущее»), «Варианты», «Перспективы». Самиздат все шире распространялся среди интеллигенции. Все большая специализация диссидентов позволяла им совершенствовать методы своей работы, прежде всего «разоблачительной».

Одновременно началась отработка принципиально новых методов борьбы, которые, как казалось, в случае успеха, могли привлечь к диссидентам широкие слои населения. В 1978 г. предпринимались попытки создать легальный независимый профсоюз. В январе В.Клебанов, уже «отсидевший» в психбольнице за попытку создать группу по контролю за условиями труда, вновь попытался зарегистрировать легальную и лояльную властям Ассоциацию свободного профсоюза защиты рабочих. Клебанов был арестован, а профсоюз, куда записалось около 200 относительно лояльных граждан, тут же распался. Затем 28 декабря 1978 г. Л.Агаповой, В.Борисовым, Л.Волохонским, А.Иванченко, Е.Николаевым, В.Новодворской, В.Скворским, А.Яковлевой и др. было провозглашено Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ).

НОВОДВОРСКАЯ Валерия Ильинична

1950 года рождения. Прадед Новодворской был профессиональным революционером, организовал первую социал-демократическую типографию в Смоленске. Дед родился в сибирском остроге, воевал в Первой Конной армии Буденного. В детстве Новодворская сильно болела астмой, много лечилась в санаториях.

«Ни один Онегин или Печорин не был таким лишним человеком, каким росла я. Меня ненавидели пламенно и страстно, но мне это даже нравилось... Я еще не знала, что советская жизнь — это единственная жизнь, в которой нет места подвигам. Моим любимым чтением была фантастика, усиленная романами о революции. Степняк-Кравчинский вместе с “Отверженными” и “93-м годом” Гюго были настольными авторами. Я очень рано стала примериваться, где бы поставить свою баррикаду... В 1967 году отец положил мне на стол “Один день Ивана Денисовича”. Это входило в джентельменский набор и должно было стать чем-то вроде похода в консерваторию или пушкинский музей... “Ах, декабристы, не будите Герцена, в России никого нельзя будить!” Эта книга решила все. Не успела я дочитать последнюю страницу, как мир рухнул... я поклялась в ненависти к коммунизму, КГБ и СССР. Вывод был сделан холодно и безапелляционно: раз при социализме возможны концлагеря, социализм должен пасть. Из тех скудных источников о жизни на Западе, которые оказались мне доступны, я уяснила себе, что там “ЭТОГО” не было. Следовательно, нужно

было “строить” капитализм... Слава Богу! Моей стране оказалась нужна еще одна революция»¹²³.

Среднюю школу Новодворская закончила с медалью. В 1968 году поступила в Институт иностранных языков имени Мориса Тореза на французское отделение.

В институте создала подпольную группу («Антифашистский союз борьбы») из студентов (около 10 человек), в которой, в числе прочего, велись разговоры о необходимости свержения коммунистического режима путем вооруженного восстания. 5 декабря 1969 года на праздничном вечере в Кремлевском Дворце Съездов, посвященном Дню Конституции, перед премьерой оперы «Октябрь», разбросала рукописные листовки со своим антикоммунистическим стихотворением «Юбилейно-Конституционное» («Спасибо, Партия, тебе...»), была арестована и помещена в Лефортовскую тюрьму. 16 марта 1970 года Московский областной суд определил для Новодворской, обвиняемой в антисоветской пропаганде (ст.70 УК РСФСР), принудительное лечение в специализированной психиатрической больнице. Суд проходил в отсутствие обвиняемой, так как судебно-медицинской экспертизой в институте имени Сербского она была признана невменяемой с диагнозом «шизофрения, параноидальное развитие личности». В июне 1970 года она была помещена в Казанскую специализированную психиатрическую больницу, затем в августе 1971 года переведена в Московскую психиатрическую больницу № 8, откуда ее выписали в феврале 1972 года после жестокого «лечения», наложившего заметный отпечаток на личность. Теперь радикализм Новодворской был не проявлением юношеского романтизма, а результатом жгучей ненависти к пытавшей ее системе.

«Теперь до меня доходит, — писала Новодворская в 1993 г., — что конфликт между мной и эпохой заключался отнюдь не в том, что я была человеком Запада, а все остальное принадлежало советской действительности и тяготело к большевизму, а как раз в том, что я была законченной большевичкой, а так называемая застойная действительность — сытая, вялая, более частная, чем общественная, тяготела к западу гораздо больше, чем я»¹²⁴. Но еще в конце 80-х гг. Новодворская и ее сторонники категорически отрицала квалификацию ее со стороны оппонентов как «белой большевички».

«Я не любила людей, за исключением тех, кто шел в той цепочке под красным зимним солнцем Солженицына; но я научилась любить Россию, когда поняла, что она несчастна»¹²⁵. Нелюбовь к конкретным людям очень многое объясняет в генезисе нового поколения российского радикализма. Абстракции (Россия, свобода, справедливость, нация, Запад) опять оказывались важнее конкретных интересов конкретных живых людей. У Новодворской это проявилось раньше и острее, чем у других, но это был только «первый звонок».

В 1973—1975 годах Новодворская работала педагогом в детском санатории, в 1975—1990 годах — библиотекарем во 2-ом медицинском институте. В 1977 году закончила Вечерний факультет иностранных языков Московского областного педагогического института.

После освобождения из психиатрической больницы в 1972 году Новодворская участвовала в тиражировании и распространении Самиздата, в частности «Хроники текущих событий». В 1977—1978 годах вместе с В.Новосельцевым и Ю.Денисовым предпринимала попытки создать подпольную политическую партию для борьбы с КПСС. *«К диссидентам я пришла с готовой программой подрывной деятельности: листовки, создание политической партии, организация народа для борьбы... Мое стремление сделать оргвыводы (Карфаген должен быть разрушен) очень раздражало старшую диссидентскую генерацию... Диссидента из меня не вышло, и я переквалифицировалась в народники»*¹²⁶.

В 1978 г. Новодворская вошла в число учредителей СМОТ и стала членом Совета Представителей (СП) СМОТ. Все последующие годы существования СМОТ Новодворская подвергалась преследованиям — помещалась на небольшие сроки в психиатрические больницы, систематически вызывалась на допросы по делам членов СМОТ, у нее неоднократно проводились обыски. На протяжении 1982—1986 годов Новодворская продолжала оставаться членом СП СМОТа, деятельность которого была почти полностью парализована поголовными арестами его руководящего ядра. В 1983 г. создала собственный подпольный революционный кружок. Написала «Возможную программу возможного движения Сопротивления».

Впоследствии В.Новодворская — лидер Демократического союза.

СМОТ, ставший первым диссидентским «хождением в народ», не успел в своей деятельности, но был симптоматичен для властей — инакомыслие не желало оставаться в узкой нише, отведенной для него системой. «Целью СМОТа было оказание правовой, моральной и материальной помощи своим членам. Для этого внутри СМОТа намеревались создать «кооперативные» объединения — кассы взаимопомощи, объединения для покупки или аренды домов в загородной местности для совместного пользования, для создания детских садов, где их нет или не хватает, и даже для товарообмена (скажем, посылать из Москвы в другие города чай и сгущенное молоко, имеющееся в Москве, в обмен на свиную тушенку, которая есть в некоторых районах Восточной Сибири, но отсутствует в Москве)»¹²⁷, — писала Л.Алексеева. Однако намерения некоторых из создателей были много радикальней, что предопределило неудачу умеренной части программы. Один из издателей Информбюллетеня СМОТ — единственного реально реализовавшегося проекта организации — В.Сендеров объявил себя членом Народно-трудового союза — эмигрантской организации, считавшейся властями фашистской. Крайне радикальные позиции занимали и ряд других активистов СМОТ, например В.Новодворская. Для них «профсоюз» был лишь инструментом для перехода к более активным действиям. Сама Новодворская так вспоминает о логике, которой руководствовалась радикальная часть создателей «профсоюза»: «Костюшко и Домбровский разбудили КОС-КОР, а КОС-КОР разбудил “Солидарность”. У нас же XX съезд разбудил Булата Окуджаву и Юрия Любимова, они разбудили диссидентов, а диссиденты уже никого не могли растолкать: все спали мертвым сном. Подъем не

состоялся. Поэтому вдохновляющая Деда идея рабочих профсоюзов, независимых от ВЦСПС, была чисто платонической. Наш СМОТ — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся — был отчаянной попыткой несчастной интеллигенции в порядке стахановской инициативы поднажиться и произвести из себя еще и рабочее движение»¹²⁸.

Членство в СМОТ было тайным (что нетипично для диссидентов), и при выходе из организации лидеров (что случалось часто, и не только по причине ареста) группы терялись. Полуподпольный характер организации и радикализм части его организаторов делал неизбежными репрессии. После ареста Л.Волохонского в 1982 г. бюллетень СМОТ ушел в подполье, и реальная деятельность организации прекратилась.

В декабре 1980 г., видимо не без влияния польского опыта, редакторы самиздатовских журналов объявили о создании «Свободного культурного профсоюза». Но в целом попытка «родить» рабочее или хотя бы профсоюзное движение не удалась. Все же это был симптом поиска выхода движения на новые слои населения, который не мог не волновать власти. Следующим важным симптомом такого рода стало выступление группы «Выборы-79» (В.Сычев, В.Баранов, Л.Агапова, В.Соловьев и др. — всего около 40 человек), которая выдвинула кандидатом в Совет Союза по Свердловскому округу г.Москвы Р.Медведева и в Совет национальностей — Л.Агапову. Понятно, что кандидаты зарегистрированы не были. Но постановка инакомыслящими «вопроса о власти» в столь откровенной форме показала руководителям страны, что оппозиция «заигралась».

Наступление диссидентов в 1978—1979 гг., вызвавшее неприятный резонанс на Западе и стимулировавшее даже размолвку с рядом европейских компартий (т.н. «еврокоммунизм»), наносило режиму конкретный ущерб. Особенно громкий скандал в конце 70-х гг. вызвало расследование психиатрических репрессий в СССР. В.Буковский рассказывает: «Авторитетные советские психиатры от участия в нашем начинании уклонились, побоялись репрессий. Рядовые психиатры — первым из них был Глузман — вскоре сами подверглись расправе. На западных же психиатров я не особенно рассчитывал. Откуда им знать все сложности нашей жизни, как поверить, вопреки мнению авторитетных советских коллег, с которыми к тому же регулярно встречаешься на международных конференциях, что какой-то неизвестный человек не нуждается в принудительном психиатрическом лечении?»

Однако по иронии судьбы именно это дело оказалось одним из самых успешных в двадцатилетней истории нашего движения. Сама идея помещения здорового человека в сумасшедший дом по политическим причинам захватывала воображение трагизмом ситуации, неизбежно приводила к философским проблемам относительно понятий и определений психического здоровья, и каждый легко представлял себя на месте жертвы... То, что было неосознанным импульсом так называемой «революции 1968 года», вдруг обрело словесное выражение, и наш опыт оказался самым передовым»¹²⁹.

В этих словах Буковского заметно преувеличение, вызванное естественным непониманием ситуации в гражданском движении на Западе. Импульс

1968 г. предопределил постоянный интерес к проблеме гражданских прав прежде всего в своих странах. Советский опыт был лишь экстремальным, и потому важным примером тех явлений, которые правозащитники наблюдали у себя дома. Не случайно, что кампания поддержки советских диссидентов совпала с появлением на экранах американского фильма «Полет над гнездом кукушки», повествующего о психиатрических репрессиях в США. И здесь ощущалось сходство двух систем, которое большинство отечественных диссидентов просто не замечало. Напротив, им казалось, что передаваемая на Запад информация окончательно разрушает иллюзию сходства между Западом и Востоком: «Коммунизм и вообще марксизм перестали быть идеей бунтарей и стали идеей истеблишмента. Обе стороны распознавали друг в друге свою тень, свое подобие. Самое же парадоксальное, что эта иллюзия раскрылась благодаря... психиатрии, благодаря нашему самиздату, нашим отчаянным протестам и жестоким судам над ними»¹³⁰. Но и это было иллюзией, причем вполне естественной в условиях недостатка информации у диссидентов или сознательной самоизоляции от фактов, вызванной приверженностью западнической доктрине. Нарушение прав человека на Западе казалось либералам-западникам надуманной проблемой, раздутой СССР (каждая сторона в конфликте «раздувала» то, что ей нравилось, но может ли быть преувеличено даже одно единственное нарушение прав человека — ведь права универсальны). Буковский с пренебрежением пишет «о какой-то “уилмингтонской десятке”, о запретах на профессии в ФРГ и пытках в Ольстере»¹³¹.

Серьезные нарушения прав человека были характерны для обоих «лагерей», но в СССР они были обычно грубее — машина власти просто не ведала, что творила. Так, например, по мнению Буковского, «они в Кремле действительно верили, что я параноик. Так вот почему решили меня выставить с максимальным “паблисити”»¹³².

Международные скандалы, массовые студенческие выступления в Ленинграде и волнения в Грузии (см. главу II), расширение движения «отказников», скандал в Союзе писателей, связанный с «Метрополем», попытки создания независимых профсоюзов, выдвижения кандидатов в депутаты — все это было уже опасно, особенно если учесть, что формальная конституционная система СССР была на редкость демократична. Политбюро было готово терпеть оппозицию в качестве замкнутой субкультуры, но бурная активность конца 70-х гг. переполнила чашу терпения авторитарного режима. Это, наряду с ухудшением международной обстановки, стало главной причиной наступления на диссидентов в первой половине 80-х гг. Готовясь к реформам, правящая элита избавлялась от политических конкурентов, которые показали свою готовность при случае начать катализ массовых оппозиционных движений.